

¹ В. И. Горбачук, ² Т. И. Татарина

¹ магистрант филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

² кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской
и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

**НЕВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ГРИГОРИЯ
МЕЛЕХОВА
(на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»)**

Наряду со звуковой речью, важнейшим средством успешной коммуникации являются невербальные проявления общения. В процессе общения большое значение имеют специфические свойства и субъективные особенности коммуникантов, проявляющиеся через жесты, мимику, позы, другие душевные переживания.

Невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие вместе с вербальными средствами смысловую информацию, изучаются в специальном разделе языкознания – паралингвистике. Согласно словарю социологических терминов, в узком понимании паралингвистика – совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации [1, 156].

Итак, мы попробуем доказать актуальность использования автором невербальных средств языка на примере раскрытия характера героя романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» Григория Мелехова.

Писатель сразу выделяет из казаков Григория с его редкой, диковатой красотой, удалью, неукротимостью. Трудно забыть его «*вислый коршунячий нос*», «*миндалины горячих глаз*», «*острые плиты скул*», «*звероватую улыбку*», грацию его сильного тела. Проследив тропу жизненных исканий Григория Мелехова, можно понять, как самому автору удалось решить проблему нравственных исканий своего главного героя.

Зачастую речь человека и ее характеристики несут в себе палитру характера, раскрывая основные черты характера своего обладателя. У Григория нет особенностей речевого поведения, но в отличие от других героев, его речь никогда не бывает идентична. Автор практически не использует фразы: «*Григорий сказал*» или «*Григорий ответил*», автор заостряет внимание читателя на таких приемах, как «*Григорий вздохнул, буркнул, зубоскалил, скалился, урчал и т.д.*». Все это говорит о сильной эмоциональности героя. Очень разнообразно речевое оформление его высказываний:

– *Чутно, мелочь насадку обсекает*, – **вздохнул** Григорий [2, 25]; – *Наговоры*, – *глухо, как из воды, буркнул* Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу [2, 27]; – *Себе на завод оставь, а то Шамили переведутся*, – **зубоскалил** Григорий [2, с. 29]; – *Дратья не дам!* – **глухо сапнул** Григорий и, стиснув челюсти, рванул костыль. На колено его и – *хряп!..* [2, 654]; – *Ну и пуцай*, – **урчал** Григорий, прикусывая волосок усыны [2, 93]; – *И ты к нам?* – **скалился** Григорий, узнав Мишку Кошевого по золотой глыбе чуба [2, 316]; *Григорий, озлобленный, ввел во двор коня, без причины ударил его сапогом в пах и, бешено округляя глаза, гаркнул:* – *Ты, черт! Ходи прямо!* [4, 93]; *Григорий поднял брови, смущенно крикнул:* – *Загнула, нечего сказать! Вон ты какая необузданная* [5, 360].

Следующие примеры – иллюстрация состояния крайнего волнения под влиянием эмоционального воздействия. Голос в разговоре становится громче обычного, доходит до крика:

– *Тебе-то приходилось... убивать?* – *Приходилось!..* – **почти крикнул** Григорий и скомкал и кинул под ноги рубаху. Потом долго мял пальцами горло, словно пропихивал застрявшее слово, смотрел в сторону [2, 318].

Итак, голос – это внутренний осколок человеческой души, это одна из самых загадочных и чарующих её характеристик. Голос Григория многогранен, как и речевое оформление его высказываний, что, в свою очередь, говорит о множественности его души во всех проявлениях жизни.

Изображая характер Григория Мелехова, автор использует средства окулесики. В описании Григория автор очень часто уделяет внимание взгляду героя и его глазам. При разговорах, которые ведет герой с другими людьми, происходят речевые акты не только вербальные, но и через язык глаз. Григорий – эмоциональный человек, основная коммуникативная функция выражения его глаз – **эмотивная**.

Стоит обратить внимание на то, что во время встреч с Аксиньей его глаза всегда устремлены в ее глаза, то есть происходит визуальный

контакт, кроме того, прямой взгляд говорит о его чувствах, намерениях и доверии:

Григорий в упор поглядел Аксинье в глаза, увидел, как вспыхнули они балованным отчаянным огоньком [2, 170].

Сумма взглядов – это ключевой момент в установлении степени близости или симпатии людей.

Автор делает акцент на его нерусских глазах, чтобы помочь читателю увидеть его турецкий темперамент и эмоциональность. Следующий пример выполняет **эмотивно-коммуникативную функцию**:

Григорий углом переламывает левую бровь, думает и неожиданно открывает горячие свои, нерусские глаза. Они смеются. Слепят насмешкой [2, 71].

Иногда глаза говорят больше, чем слова. Подтверждением тому следующий пример, в котором автор в пределах одного абзаца *трижды упоминает глаза* героя, в которых отражена вся его любовь к Аксинье:

Григорьевы глаза в минуту обежали всю ее – с головы до высоких красивых ног. Осмотрел, как барышник оглядывает матку-кобылицу перед покупкой, подумал: «Хороша» – и встретился с ее глазами, направленными на него в упор. Бесхитростный, чуть смущенный, правдивый взгляд словно говорил: «Вот я вся, какая есть. Как хочешь, так и суди меня». «Славная», – ответил Григорий глазами и улыбкой [2, 85].

О горячей крови, пылающей в жилах Григория, говорят и восточные «чуть косые прорези глаз», полученных в наследство от бабки «турчанки». От нее, возможно, и некоторая мечтательность Григория, неплохой голос и дар пылкой, самозабвенной любви. В тексте есть характерные только для Григория приемы окулесики. Это его *прищуренный взгляд*.

Русская кинема сощурить глаза – это мимический жест, который описывается как «слегка сжимая веки прикрывать глаза. Он передает смысл «зафиксировать свое внимание на ком-то или чем-то»; таким образом, фиксация глаз здесь отражает внимание жестикулирующего на объекте наблюдения:

– Примолвила, что ль, его? – Григорий зло щурился [2, 170].

Присуще Григорию и «бешеное округление глаз», которое характерно ему только в моменты несения службы для выражения недовольства. В семнадцатом году мы видим Григория в беспорядочных и мучительных попытках хоть каким-то образом определиться в это «смутное время». Он ищет политическую истину в мире стремительно меняющихся ценностей, руководствуясь чаще внешними признаками событий, чем их сутью:

Григорий вышел, дрожа улыбкой, со взбешенными глазами. <...> – А насчет того, что все у них на старинку сбивается. Я вот имею офицерский чин с германской войны. Кровью его заслужил! А как попаду в офицерское общество — так вроде как из хаты на мороз выйду в одних подштанниках. Таким от них холодом на меня поперет, что аж всей спиной его чую! – Григорий бешено сверкнул глазами и незаметно для

себя повысил голос [90]. Григорий был вынужден постоянно искать выход из создавшихся трудных положений. Говоря о нравственном выборе Григория в жизни, нельзя однозначно сказать, всегда ли его выбор был действительно единственно верным и правильным. Но он почти всегда руководствуется своими собственными принципами и убеждениями, пытается найти лучшую долю в жизни, и это его стремление не было простым желанием жить лучше всех. В моменты объяснений с женой и отцом Григорию очень тяжело, и глаза реагируют мгновенно:

Глаза Григория застилала туманная дымка слез, под усами дрожали губы... Раза три он не ответил на вопросы отца и только тогда подошел к столу, когда Наталья тронула его за рукав гимнастерки. – Она перед этим ходила к твоей, к этой... Аксинья ей и рассказала про все... – Ага... так? – Григорий густо побагровел, опустил глаза [5, 69].

Когда человек не хочет идти на контакт и объясняться с оппонентом, он пытается избегать взгляда. Эта черта присуща всем людям, и Григорий не исключение:

Григорий ворочал синими выпуклыми белками, отводил глаза в сторону.

– Короткий у нас суд?

– Короткий, – *избегая встретиться глазами, ответил Григорий [2, 91].*

Автор применяет прием замещения высказывания выражением глаз:

Поменялись. «Скоро кончится?» – спросил Григорий глазами, поймав сбоку Петров взгляд [2, 115].

Состояние жажды передано с помощью глагола «всматривался» и наречия «жадно»:

Григорий жадно всматривался во взмученную воду; близкая и недоступная, она тянула к себе непреодолимо [2, 283].

Неконтролируемая злость уместилась в хорошо подобранном эпитете:

Покусывая губы, шел Григорий позади отца. «Выкуси, батя, хоть стреноженный, уйду ноне на игрище», — думал, злобно обгрызая глазами крутой отцовский затылок [2, 28].

Итак, глаза отражают сущность натуры Григория и указывают на его сильное мужское начало.

Одним из ярких средств кинесики в описании Григория Мелехова является улыбка. Проанализировав текст, можно с уверенностью сказать, что круг людей, к которым Григорий относится с особой теплотой, узок. Улыбка скользит на его лице только в моменты разговоров и встреч с Аксиньей, матерью, братом и Михаилом Кошевым:

Григорий улыбается, хочет еще что-то сказать, но чувствует: рука Аксиньи под его головой как-то вдруг дрябло мякнет, вдавливаясь в подушку и, дрогнув, через секунду снова твердеет, принимает первоначальное положение [2, 70]; «Хрипатый, должно, и злой», – подумал

Григорий, улыбаясь брату и оглядывая мельком крепко подогнанную фигуру есаула, горбоносого коня под ним, калмычкой, видно, породы [2, 316]; Григорий улыбался, щекочущее волнение хватало его за сердце, когда он прижимался к материнскому плечу [2, 265].

Совершенно другое чувство у него к отцу, что проявляется через использование средств кинесики. Он любит своего отца, но в то же время испытывает злость, и на то есть причина:

Григорий побледнел: тронул отец незарубцованную болячку. Все время после рождения ребенка Григорий мучительно вынашивал в себе, таясь перед Аксиньей, перед самим собой, подозрение [2, 238];

Жестом «поднял брови», «подрожал бровью» автор дублирует удивление:

Григорий всмотрелся и изумленно поднял брови.

– Батя, никак.

– Как знает? — Григорий удивленно *подрожал бровью* [2, 97].

Делая акцент на белизну зубов героя, автор усиливает восприятие читателем его красоты и здоровья:

Принимая подарок, Григорий ослепил ее белизною своих волчьих зубов [2, 107]; — Ха! Совесть! — Григорий обнажил в улыбке кипенные зубы, засмеялся [4, 301];

Необузданный нрав Григория иногда провоцировал его на необдуманные поступки, в такие моменты его желваки перекатывались:

Григорий поиграл зарозовевшими желваками скул, но ответил весело, с подмигом: — На кудыкино поле. Понял? [4, 104].

Изменение цвета лица на багровый и красный символизирует у героя стыд, негодование и раздраженность:

«Лежачего вдарил...» — Григорий *побагровел* [2, 90]; — Я не один... — Григорий *густо покраснел*. — Со мной баба. Может, и ей место какое выйдем? [2, 185]; — Я не боюсь, ты брось это! — *румянея в скулах, повысил Григорий голос* [2, 223].

Особенно сложные жизненные периоды у Григория автор описывает посредством целого ряда жестов, мимики, произвольных действий и поз, причем, чем тяжелее для него было испытание, тем больше их проявление:

– Тебе-то приходилось... убивать?

– Приходилось!.. — почти крикнул Григорий и *скомкал и кинул под ноги рубаху. Потом долго мял пальцами горло, словно пропихивал застрявшее слово, смотрел в сторону* [2, 318]. (3)

Григорий два раза затянулся и затушил в пальцах сигарку. Вышел молча. У окна людской остановился, глубоко и часто дышал, несколько раз подымал руку постучать, но рука падала, как перебитая. Первый раз стукнул сдержанно, согнутым пальцем, потом, не владея собой, привалился к стене и бил кулаками в раму яростно, долго. Рама вопила

дребезжащим звоном стекла, шаталась, в ней рябился синий ночной свет [2, 408] (7).

Манипуляции с папиросами говорят о нервозности и раздраженности Григория:

– Как это? – Григорий даже **папиросу выронил из рук** [4, 95]; *Григорий поморщился, с досадой бросил папиросу* [5, 389].

Следующий жест повторяется не один раз и говорит о постоянной привычке:

Барабаня пальцами по спинке кровати, Григорий спросил: – Скоро? [2, 225]; – Как же ты позволил распустить сотню? Какой же ты командир? – **хмурясь и барабаня пальцами по столу**, спросил Григорий [5, 83]; – **Может, на ней как-нибудь доберусь?** – спросил Григорий, **постукивая пальцами по столу**, испытующе глядя в веселые глаза разбитного председателя [5, 354].

Жестово-мимические проявления по отношению к одному и тому же лицу могут меняться, в зависимости от изменения отношения к этому человеку. И указывают на это отношение. Так произошло у Григория с Михаилом. В самом начале произведения жесты дружеские, в конце носят негативный характер. Следующие примеры отчетливо это иллюстрируют.

Улыбку Григорий дарит только самым близким людям, что было отмечено выше, в их число входил и Михаил:

– Где пропал? Под каким знаменем службицу ломал? – Григорий **улыбнулся, сжимая руку Мишки, засматривая в голубые его глаза** [4, 145].

Позже отношения переменились:

– Теперь все понятно... – Григорий **с ненавистью посмотрел в спину уходившему Михаилу, не раздеваясь лег на кровать** [5, 374].

Мимическое проявление «*досадливо поморщился*», употребленное дважды, говорит о стойком негативе, который сформировался у него относительно Михаила.

Григорий досадливо поморщился, промолчал. Новостью он был явно встревожен [5, 380]; *Григорий поморщился, с досадой бросил папиросу. – Михаил ей в уши надул. Это он все придумывает, беду на мою голову кличет* [5, 389].

Автор обращает внимание читателя на некоторую «звероватость» Григория, впрочем, в положительном смысле – это «звероватость» степного существа, живущего в гармонии с окружающим его миром, с природой:

Перчаткой гладил Григорий черный ус, шевелил коршунячьим носом, из-под крылатых бровей угрюмым, осадистым взглядом провожал каждую сотню [4, 225].

Чувства Григория были искренними, затрагивали интересы не только его самого, но и многих близких ему людей, в частности, любимой

женщины. Несмотря на бесплодные устремления в жизни, Григорий был счастлив, хотя и очень недолго. Но и этих недолгих минут так необходимого счастья было достаточно. Следующий пример является тому подтверждением. Трясущиеся от безысходности руки говорят сами за себя:

*Она с трудом раскрыла глаза, посмотрела затуманенным взором и снова впала в полузабытье. Григорий **трясущимися** руками снял с нее платок. Щеки Аксиньи были холодны как лед, а лоб пылал, и на висках, где проступала испарина, намерзли сосульки, К вечеру Аксинья потеряла сознание. Перед этим она попросила пить, шепнула:*

– Только холодной воды, снеговой. — Помолчала и внятно произнесла: – Кличьте Гришу [5, 264].

В раскрытии характера героя автор использует средства гаптики в небольшом количестве. Характер его прикосновений зависит от степени близости с человеком и отношения к нему. Григорий страстно и нежно любит Аксинью, и его прикосновения к ней очень интимны:

*Григорий **лежит на голой прохладной Аксиньиной руке** и смотрит в потолок на цепку катушек. Аксинья другой рукой – огрубелыми от работы пальцами – перебирает на запрокинутой голове Григория жесткие, как конский волос, завитки. Аксиньины пальцы пахнут парным коровьим молоком; когда поворачивает Григорий голову, **носом втыкаясь Аксинье в подмышку**, – хмелем невыбродившим бьет в ноздри острый сладковатый бабий пот [1, 69].*

Григорий по отцовскому велению женился на Наталье, но любви к ней не испытывал, обратим внимание на примеры из текста:

***Хмурясь, Григорий целовал пресные губы жены**, водил по сторонам затравленным взглядом [2, 117]; Григорий три раза **целовал влажные безвкусные губы** жены, в церкви угарно завоняло чадом потушенных свечей, к выходу загоцали вытиравшие в притвор люди [2, 115].*

Никакого намека на любовь нет в его поцелуях, автор подчеркивает это прилагательными «пресные» и «безвкусные».

В моменты наивысшей злобы его прикосновения носят непредсказуемый характер, в них выражено все его негодование:

*Григорий коротко взмахнул кнутом, со страшной силой ударил сотника по лицу. Перехватив кнут, он бил **кнутовищем по лицу, по рукам, не давая сотнику опомниться**. Осколок разбитого пенсне врезался тому выше брови. На глаза падали кровавые струйки. Сотник вначале закрывал лицо руками, но удары учащались. Он вскочил с лицом, обезображенным подтеками и яростью, пробовал защищаться, но Григорий, отступая, **ударом в кисть парализовал ему правую руку**.*

– За Аксинью! За меня! За Аксинью! Ишо тебе за Аксинью! За меня! [2, 411–412].

Следующий пример указывает на огромную любовь к матери:

Григорий улыбался, щекочущее волнение хватало его за сердце, когда он прижимался к материнскому плечу [3, с. 265].

Несмотря на свой южный темперамент, Григорий никогда не любил женщин, изменяющих своим мужьям, у него возникало к ним чувство гадливости, переходящее в бешенство:

Никогда еще Григорий не испытывал такого бешеного желания рубануть. Несколько секунд он стоял над Дарьей, стоная и раскачиваясь, крепко сцепив зубы, с чувством непреодолимого отвращения и гадливости рассматривая это лежащее тело. Потом шагнул, наступил кованым каблуком сапога на лицо Дарьи, черневшее полудужьями высоких бровей, прохрипел:

– Ггга-дю-ка! [4, 363].

В заключении автор показывает нам, что жизнь впереди и есть ради кого жить:

Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... [5, 495].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Словарь социолингвистических терминов. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко, 2006. – 312 с.
2. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 томах. / М. А. Шолохов. – М.: Правда, 1980. – Т. 1. – 416 с.
3. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 томах. / М. А. Шолохов. – М.: Правда, 1980. – Т. 2. – 384 с.
4. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 томах. / М. А. Шолохов. – М.: Правда, 1980. – Т. 3. – 432 с.
5. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 томах / М. А. Шолохов. – М.: Правда, 1980. – Т. 4. – 496 с.